

В. И. КОДУХОВ

РАЗВИТИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
В АКАДЕМИИ НАУК СССР

Развитие теории советского языкознания развертывалось, прежде всего, на базе лингвистических учреждений АН СССР. В первые годы советской власти ученые-языковеды работали в комиссиях Второго отделения Российской АН (особенно активны были словарная и диалектологическая комиссии), в Азиатском музее и в Яфетическом институте, организованном в 1921 г. акад. Н. Я. Марром. На их основе были созданы в 1930 г. Институт востоковедения АН СССР и в 1931 г. Институт языка и мышления (в его состав вошли Яфетический институт и Комиссия по изучению русского языка, с 1938 г. — Ленинградское отделение Института языка и письменности народов СССР). Позднее были образованы современные общесоюзные институты: Институт русского языка (1944), Институт славяноведения (1947)¹ и Институт языкознания (1950) АН СССР. В общесоюзных лингвистических институтах, в институтах и отделах союзных академий и филиалах академий автономных республик объединены крупнейшие специалисты различных лингвистических профилей.

Теория советского языкознания базируется на прочных марксистско-ленинских философских основах и на практике языкового строительства в нашей стране. Единство теории и практики — характерная особенность развития не только языкознания, но и советской науки вообще. Так, уже итоги работы первого года Академии наук СССР содержали вывод: «Основная задача правильно поставленной научной работы, это — найти равнодействующую между теорией и практикой; яркое отражение этого течения мы видим в работах наших членов, причем временами в них преобладает теория, временами — практика»².

Теория языка строится как обобщение богатейшего материала более или менее изученных и ранее почти не изученных языков нашей Родины. Следует при этом подчеркнуть, что теория советского языкознания в значительной степени возникала как продолжение традиций отечественного языкознания, опирающегося прежде всего на материалы русского и других славянских языков. Это — семасиологическая и грамматическая концепция А. А. Потебни, историко-сравнительные и грамматические исследования Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и А. М. Пешковского, общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртене.

Более 100 языков народов СССР стали объектом лингвистических исследований. Накоплен и систематизирован богатейший фактографический материал русистики, который характеризует русский язык с разных сторон и который послужил основанием для широких теоретических построений и практических рекомендаций. Бурно развивается украинистика; значительны успехи советских языковедов в изучении белорусского языка. Несомненные достижения в области исследования других индоевропейских

¹ С 1968 г. — Институт славяноведения и балканистики АН СССР.

² «Отчет о деятельности АН СССР за 1926 год», Л., 1927, стр. III.

языков, распространенных на территории СССР, а также тюркских, кавказских, финно-угорских, палеоазиатских, тунгусо-маньчжурских, монгольских языков. Основой для теоретических обобщений послужило также исследование языков, которые распространены за пределами Советского Союза; в частности, развившаяся после Октябрьской революции германистика стала одним из ведущих разделов советского языкознания; получили освещение и другие индоевропейские языки, прежде всего романские и славянские, а также албанский язык. Вовлекались в орбиту исследований и теоретического обобщения материалы разнообразных языков, которые традиционно считались предметом востоковедения как комплексной науки.

Опора на разнообразный языковой материал и связь лингвистических исследований с задачами культурного строительства сделали теоретическое советское языкознание многоаспектным, сочетающим решение лингвистических вопросов с их широким социально-политическим и философским освещением.

Отличительной чертой теории советского языкознания является признание общественной природы языка, постановка и разработка проблем социолингвистики. В развитии социолингвистической теории большую роль сыграли работы Л. П. Якубинского, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова, Р. И. Аванесова, Р. А. Будагова, Ф. П. Филина, А. В. Десницкой, М. М. Гухман, Б. А. Серебrenникова, В. Н. Ярцевой, И. К. Белодеда, Ю. Д. Дешериева, И. Ф. Протченко и др.

Если, например, в американском языкознании социолингвистика приобрела права гражданства лишь в последние десятилетия и до сих пор несет на себе следы своего антропологического и бихевиористского происхождения, то советское теоретическое языкознание начиналось именно как социология языка, как социальная лингвистика. Ведущая роль социолингвистического аспекта в советском языкознании обусловлена не только самим пониманием природы языка и языкового феномена, но и связью лингвистической теории с насущными задачами культурного строительства, признанием активной роли науки в социалистическом обществе. Так, в первый год существования Института языка и мышления (он состоял тогда из трех отделов: научно-исследовательского, словарного и педагогического) была выработана программа деятельности, охватывающая как вопросы методологии лингвистики и истории языка, так и проблемы языкового строительства (в частности, вопросы терминологии, орфографии и лексикографии)³.

Круг проблем и задач, которые были поставлены и решены в советской социологии языка более чем за пятидесятилетний период, достаточно широк — начиная от установления предмета, разработки методологии и методики исследования и кончая вопросами преподавания языка. И хотя у советских ученых можно отметить различие в выборе проблем, аспектов разрабатываемых теорий и решении частных практических задач, следует, думается, утверждать как несомненный факт, что существует особое, советское социолингвистическое направление, оказывающее заметное влияние на развитие мирового языкознания, что не раз признавалось и признается зарубежными лингвистами.

Одной из важных и сильных сторон советской социолингвистики является создание и развитие теории языковой нормы и литературного языка. Литературный язык, как известно, в младограмматических и сосюррианских концепциях рассматривался как явление искусственное, противостоя-

³ См.: «Отчет о деятельности АН СССР в 1932 году», Л., 1934, стр. 203.

щее естественности народно-разговорных форм. Хотя идеи классовости и искусственности литературного языка и получили некоторое распространение среди советских языковедов, понимание литературного языка как главной языковой нормы и формы национальной культуры было ведущим в советском языкознании. Общекультурное значение имела борьба А. М. Горького за чистоту литературного языка как высшей формы общенародного языка, обработанного мастерами художественного слова.

Литературные языки народов Советского Союза стали не только предметом детального и глубокого изучения, но и кодификации. Реформируется, а для многих языков впервые создается письменность; публикуются нормативные грамматики и нормативно-толковые словари. Созданы нормативные грамматики не только русского, украинского и белорусского, грузинского и литовского языков, но и таких младописьменных языков, как нанайский, нивхский, чукотский, юкагирский, эскимосский и корякский. Почти для всех тюркских языков были созданы нормативные грамматики; это касается не только таких языков с большим числом их носителей, как узбекский, татарский, азербайджанский, казахский, чувашский, башкирский, туркменский, киргизский, но и языков с меньшим числом говорящих на них — якутского, тувинского, каракалпакского, уйгурского, кумыкского, карачаево-балкарского, гагаузского, а также ногайского, хакасского, алтайского, шорского, караимского.

Важную роль в нормализации литературных языков играют словари различных типов. В 1934—1940 гг. вышел в свет «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова; на его основе С. И. Ожегов составил однотомный словарь, систематически переиздававшийся; в 1957—1961 гг. публикуется «Словарь русского языка» (в четырех томах), а в 1948—1965 гг. — семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка». Изданы толковые словари ряда языков народов СССР — украинского, белорусского, чувашского, татарского, башкирского, казахского, туркменского, грузинского, латышского и некоторых других языков. Особенно богата советская лексикография двуязычными словарями (русско-национальными и национально-русскими). Широко издаются также специальные словари — терминологические, синонимические, фразеологические.

Опыт развития различных литературных языков в Советском Союзе и разработка теории литературного языка имеет большое теоретическое и практическое международное значение. В советской теории литературного языка была подчеркнута не только общелингвистическая, но и общественно-политическая значимость проблемы литературной нормы и культуры речи, показано многообразие путей формирования литературных языков и их стилей, взаимозависимость форм социальной общности людей и социальных типов языка, особенно языка народности и национального языка.

Советские языковеды на материале разных языков развили и углубили положение В. И. Ленина о том, что единство языка, его беспрепятственное развитие и закрепление в литературе является существенным условием формирования нации⁴. Было показано, что национальный язык может возникать на своей собственной, индивидуальной основе — как дальнейшее развитие и совершенствование языка народности, а также на базе общего для ряда народностей и наций языка. Этот путь образования национальных языков как вариантов общей языковой основы со своей функционально-стилевой системой для каждого и особыми взаимоотношениями с местными языками и диалектами так же естествен, как возникновение род-

⁴ См.: В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., 25, стр. 258.

ственных языков или создание письменности при опоре на общую для ряда языков графику.

Было показано, что формирование литературного языка обуславливается, с одной стороны, традициями письменного языка и развитием его полифункциональности, а с другой стороны — связями литературно-книжного языка с разговорной речью. Оба этих аспекта получили достаточное освещение в теории языка. Различные типы соотношения новых литературных языков с письменной традицией, с языком художественной литературы и деловой письменности, роль мастеров культуры в развитии и совершенствовании литературного языка — все это и многое другое стало предметом новой лингвистической дисциплины — истории литературного языка; были разработаны принципы и методика исследования в этой области знаний; созданы очерки истории литературного языка ряда народов нашей страны.

Стали предметом фактологического и теоретического исследования разговорная речь, интердиалекты и диалекты, профессиональные и терминологические лексические системы. Особенно значительны успехи советской диалектологии. Созданы обобщающие труды по диалектологии многих языков, вышли в свет многочисленные монографические описания групп говоров и отдельных диалектных явлений, создан ряд диалектологических атласов и словарей. Так, опубликован «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (ч. 1—2, М., 1957), «Диалектологический атлас белорусского языка» (ч. 1—2, Минск, 1963), «Лингвистический атлас украинских народных говоров Закарпатской области УССР» (ч. 1—2, Ужгород, 1958—1960). Ведутся работы по составлению сводного лексического атласа русского языка, пробного общетюркского диалектологического атласа и национальных атласов тюркских языков СССР. Началась публикация сводного «Словаря русских народных говоров» (вып. 1—9, М.—Л., 1965—1972), издан ряд областных словарей русского, украинского языков, а также диалектологические словари башкирского, татарского, уйгурского, казахского, узбекского, азербайджанского и других языков.

Интенсивно и разносторонне в советской социалингвистике разрабатывается теория двуязычия как формы функционирования и развития языка. Обращается внимание не только на психофизические механизмы при двуязычии, но и на общественно-идеологический характер современного двуязычия, когда двуязычними являются большие группы людей и целые народы. Эта проблема приобрела исключительную не только общелингвистическую, но и общественно-политическую актуальность в связи с возникновением новой исторической общности людей — советского народа и превращением русского языка в общий язык межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР. Изучение русского языка за рубежом нашей Родины выдвинуло страноведческий аспект в преподавании русского языка, разрабатываемый В. Г. Костомаровым и его коллегами, не только как проблему лингвопедагогики, но и социалингвистики. Вопросы интерференции получили в советском языкознании не только теоретическое освещение, но и практическое решение при составлении учебников русского языка как неродного и иностранного языка, сопоставительных грамматик и особенно двуязычных словарей.

Разносторонне представлен в советском языкознании содержательный (менталингвистический) аспект теории языка, исследование языка как действительного практического сознания, рассмотрение связей языка с мышлением, психической деятельностью, культурой. В разработке менталингвистической проблематики большая роль принадлежит работам В. Н. Волошинова, В. В. Виноградова; И. И. Мещанинова, В. И. Абаева,

С. Д. Кацнельсона, В. З. Панфилова; А. А. Леонтьева. Развитие менталингвистического аспекта теории языка осуществлялось в содружестве лингвистики с литературоведением и психологией, теорией познания и логикой, семиотикой и информатикой.

Теория эстетической цельности художественного текста сочеталась с учением о слове как идеологическом знаке. Язык художественного произведения исследовался не только как средоточие историко-культурных традиций, не только в плане связи стиля речи со стилями языка, но и как форма выражения идеологии, эстетического отражения действительности и эмоционального воздействия, как форма отражения личности автора.

Речевой акт изучался с точки зрения психофизических механизмов речи, целенаправленности и комплексности речевой деятельности, порождения и восприятия контекста (речевого отрезка). Структура речевого акта, имеющего обычно форму диалога, включает не только говорящего и собеседника, установление контактов между ними, но также и отношение их к передаваемой информации и ситуации речи. Все эти компоненты речевого акта и средства их выражения были подвергнуты специальному изучению. Было установлено, что процесс порождения речи начинается с семантического компонента, который влечет за собой формирование грамматической структуры высказывания и воплощение словоформ в звучащую цепь; процесс восприятия речи начинается, напротив, с восприятия звуков и форм. Особенно важным было установление того факта, что коммуникативный акт носит не только физиолого-психологический, но и социальный характер, так как говорящим и собеседником оказываются не некие идеальные индивидуумы, а реальные « типовые » говорящий и собеседник, владеющие общим языком с его стилевыми разновидностями и общей структурой передаваемых сообщений и контекстом культуры, которые принадлежат содержательной стороне языка и лишь реализуются в конкретной ситуации речи.

Интенсивно изучалась логическая природа лексического значения, семантики предложения и грамматической категории, членов предложения и частей речи. Исследование отношения лексического значения слова к понятию как форме мысли, к познанию и конкретному смыслу привело к выводу о том, что лексическое значение является логико-предметным и формальным содержанием слова (в смысле Потебни), отличным от его грамматического значения и того конкретного смысла, который возникает у слова в конкретных условиях речи, контекста и мыслительной деятельности. Языковая и конситуативная семантика стала предметом специального рассмотрения.

Семантика предложения в советском языкознании изучалась, с одной стороны, с точки зрения семантических функций частей речи и их форм, а с другой стороны — с точки зрения признания самостоятельности предложения как организационного центра грамматики. Позиционная структура предложения, его синтаксическая модель, обращена как к формам мысли, так и к формам языка, в том числе к морфологическим формам.

Семантика предложения сложна и многомерна. В ее состав входит: выражение цели высказывания (коммуникативной установки), включающей предложение в акт коммуникации; оценка содержания высказывания (с этим связаны модальные характеристики предложения); соотнесение с основной формой мысли — суждением (пропозицией); смысловая характеристика содержания высказывания (последнее связано не только с наличием морфологических форм языка, но и с группировками словарного состава языка по лексико-семантическим разрядам и группам).

Особенно детально и глубоко рассматриванию было подвергнуто логико-грамматическое содержание предложения. Было установлено, что

субъектно-предикатная основа предложения может быть вербализованной и невербализованной, свернутой и развернутой, при этом порождая двусоставные и односоставные предложения, одночленные фразы и распространенные предложения, которые обнаруживают иерархическую организацию. Несовпадение формально-грамматического, логико-грамматического и смыслового членения предложения стало, с одной стороны, предметом изучения при рассмотрении актуального членения предложения, а с другой стороны — предметом синтаксической типологии и синтаксиса текста.

В советском языкознании на большом фактическом материале разных языков продолжает разрабатываться морфологическая классификация языков; описаны флективный, агглютинативный, изолирующий и инкорпорирующий типы языков; уточнена и углублена сама теория агглютинации и инкорпорирования. Вместе с тем созданы основы типологии языков, опирающейся на семантические координаты.

Если стадийно-типологическая характеристика языков Н. Я. Марра была поиском семантико-этимологических универсалий и универсальных артикуляционных моделей слогов, не подкрепленных достаточным фактическим материалом, то семантико-синтаксическая типология И. И. Мещанинова опиралась на признание универсальности субъектно-предикатных отношений при различной конкретно-морфологической выраженности их. Детальный анализ способов их выражения имел в итоге выделение трех последовательных стадий (посессивной, эргативной и номинативной) и последовательных путей трансформации, прослеживаемых на материале различных языков Советского Союза. В последних работах И. И. Мещанинов обратился к проблемам синхронной типологии, опирающейся на соотношение логики и грамматики, понятийных категорий и категорий языка, членов предложения и частей речи. С концепцией синтаксической типологии И. И. Мещанинова связаны прежде всего работы его учеников (В. З. Панфилова, П. Я. Скорика, Г. А. Меновщикова, О. П. Суника) и германистов С. Д. Кацнельсона, М. М. Гухман, А. В. Десницкой, В. Н. Ярцевой.

Существенным аспектом советского языкознания является разработка теории системы языка и развитие лингвистических дисциплин, изучающих ее. Были предприняты попытки создать теорию внутренней структуры языка на основе семиотических, уровневых, иерархических и общих системных представлений (А. А. Реформатский, В. М. Солнцев, С. К. Шаумян, Ю. С. Маслов, Т. В. Булыгина, Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов). Наряду с этим развивалась созданная Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым теория системы языка как единства ее компонентов, раскрывались особенности каждого компонента (яруса) системы языка, были открыты межъярусные связи, что привело, в частности, к выделению словообразования и фразеологии в качестве самостоятельных разделов лингвистики.

Слово как основная единица языка получило в теории языка многоаспектное истолкование с учетом присущих ему семантической и морфологической структур (т. е. как лексема и семантема, как форма слова и словообразовательная модель). Были обнаружены разносторонние связи слова с категориями мышления (а в плане номинативных функций — и с реалиями предметного мира), со стилями языка и сферами использования. Если в первые десятилетия послеоктябрьского периода преобладало социологическое и семантико-идеологическое изучение слов и их истории, то с конца 50-х годов на передний план выдвигается исследование внутриязыковых связей. Так, фразеологические единицы, сначала изучавшиеся как особенности «языка революционной эпохи» и языка отдельных писателей, благодаря работам В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, С. И. Ожегова, А. М. Бабкина и многих других языковедов стали исследоваться как особые лингвистические объекты, и фразеология превратилась в самостоятельную отрасль

знаний об аналитической номинации и семантической сочетаемости слов; было уточнено и углублено понимание фразеологизма и идиоматики, выявлены виды аналитических (составных) наименований, типы устойчивости составных единиц языка, мера их идиоматичности, описан фразеологический состав ряда языков.

Разрабатывается теория синонимии, полисемии, лексико-семантического варьирования слова, изучаются семантическая структура слова, лексико-семантические группы и разряды слов, распределение слов в тексте, устанавливаются вероятностно-статистические характеристики групп и классов слов. В работах В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, А. А. Уфимцевой, Д. Н. Шмелева рассматривается статус лексико-семантической системы языка.

Понимание слова как основной единицы языка активизировало не только исследование функционирования форм слова в предложении и словосочетании, но и анализ внутреннего строения слова, его морфемного состава и морфологической структуры. Разработана методика морфемного анализа, создана типология морфем, выявлены типы основ слова (прежде всего — флективных языков). Особое внимание было уделено изучению словообразования, его места в системе языка, его средств и категорий — словообразовательных моделей, типов и гнезд. В развитии словообразовательной теории и практики словообразовательного анализа приняли участие В. В. Виноградов, Е. А. Земская, Э. В. Севортян, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин и И. С. Улуханов, П. А. Соболева.

Проделана большая теоретическая работа по фонологии. Значительный вклад в теорию фонемы и звукового строя языка внесли В. А. Богородицкий, Н. Ф. Яковлев, Л. В. Щерба, С. И. Бернштейн, Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский и др. Развитие общefonетической теории опиралось на многочисленные экспериментальные исследования современных языков и разработку вопросов исторической и сравнительно-исторической фонетики; достигнуты успехи в теории слога, ударения, интонации. Различное истолкование фонетических, функциональных и синтагматических сторон фонемы и звукового строя, выразившееся в спорах между ленинградской и московской фонологическими школами, не может заслонить главного — общих успехов, которые были достигнуты советскими учеными в разработке фонологической теории и в фонетических исследованиях.

Интенсивно развивалась грамматическая теория. Составление нормативных и исторических грамматик, с одной стороны, а с другой — общепhilosophическая направленность исследований и обоснование разных типов грамматик — все это сделало грамматическую теорию ареной острых теоретических дискуссий и все новых и новых поисков, принесших многие несомненные теоретические успехи. Исходя из разнообразия явлений и категорий грамматического строя языков различных систем, современная теория грамматики требует многоаспектного (многомерного) исследования формальных, семантических и функциональных свойств единиц грамматического строя. Одномерные и формализованные концепции, получившие некоторое распространение в советском языкознании, решают частные задачи, стоящие перед наукой о языке, и потому занимают в общей теории языка подчиненное место. Значительное влияние на развитие грамматической теории оказали труды А. А. Шахматова и А. М. Пешковского, Л. В. Щербы и В. В. Виноградова, И. И. Мещанинова, Н. К. Дмитриева, А. И. Смирницкого, В. Г. Адмони, Т. П. Ломтева, Н. С. Поспелова, Н. Ю. Шведовой. В последние десятилетия выполнен целый ряд исследований, анализирующих на высоком теоретическом уровне грамматические категории и конструкции разных языков.

В морфологической теории, кроме морфемного состава и структуры слова, получили дальнейшее освещение части речи и грамматические категории; предметом особого внимания языковедов стали глагол и местоимение. Попытки выделить в слове отдельные его стороны (фонетическую, семантическую, морфологическую, синтаксическую) как самостоятельные единицы и приурочить группировку слов по частям речи к одному определенному ярусу языка, усматривая сущность части речи или в словоизменительной парадигме или в синтаксических свойствах класса слов, хотя и внесли ряд уточнений в теорию частей речи, не изменили ее сути. При помощи частей речи, трактуемых как лексико-грамматические ряды слов, объединяемые на функциональной основе, лексика языка классифицируется по ряду признаков, причем набор этих признаков различен для разных языков и разных частей речи. Любое слово, оставаясь самим собой, принадлежит целиком той или иной части речи — знаменательной или служебной. Как представитель той или иной части речи слово, сохраняя свои конкретные свойства, включается в систему языка, отражая его периферийные или переходные особенности.

Неоднородность частей речи, представляющих собой открытые динамические микросистемы, объясняется не только различием в их назначении и набором свойственных им категорий, но и неоднородностью таких категорий (ср. категорию лица у существительных, местоимений и глаголов или категорию рода у существительных, прилагательных и личных глаголов в русском языке). Еще А. А. Шахматов и А. М. Пешковский отметили неоднородность грамматических категорий, свойственных нескольким частям речи. В дальнейшем было теоретически обосновано и аргументировано путем анализа многих категорий разных языков деление грамматических категорий, с одной стороны, на морфологические, синтаксические, лексико-грамматические, словообразовательные, а с другой стороны — на грамматические категории словоизменительного и классификационного типа. Получила теоретическое освещение семантическая структура категорий языка, строение морфологических парадигм; обнаружен «полевой» характер частей речи и их категорий; подверглось анализу взаимодействие морфологических, синтаксических и лексических средств при функционировании языка; возникло учение о лексико-грамматических полях и взаимодействии ярусов языка.

Центральным предметом синтаксической теории остается теория предложения. Наряду с изучением коммуникативно-содержательной стороны предложения, о чем уже шла речь, формально-конструктивная сторона предложения была подвергнута теоретическому исследованию, была проведена систематизация типов предложений. Были рассмотрены теории двувершинной и одновершинной основы предложения, варьирование и распространение основы и модели предложения, соотношение словоформ и позиций предложения (его членов); особое внимание было уделено связи предложения и словосочетания, как и самой теории словосочетания. Предметом разностороннего рассмотрения стало осложнение простого предложения и сложное предложение; сложное предложение, особенно сложноподчиненное предложение, исследовалось в теоретическом, историческом и сравнительно-историческом аспектах; были предприняты попытки количественно-статистического и стилистического изучения сложного предложения. Была открыта и подвергнута исследованию единица более широкая, чем сложное предложение, — сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое). Соотношение языковой единицы и текста приобрело большую теоретическую значимость.

Исторический аспект лингвистической теории предполагал разработку самого принципа историзма, включающего рассмотрение факторов и при-

чин варьирования и трансформации языковых норм, социальной обусловленности истории языка, общих и частных законов развития языка. Общими законами были признаны такие общие свойства языков, как наличие последовательных исторических форм языка, представляющих собой совершенствование и развертывание предшествующей основы; несоответствие материальной и идеальной (содержательной) сторон языка, причем именно содержательная сторона единиц и категорий языка исторически и функционально соотносена с мышлением и сознанием; сохранение трех основных типов единиц языка (звуков, слов и предложений) и в связи с этим различные закономерностей и темпов изменения отдельных ярусов языковой системы, их историческое взаимодействие.

Наряду с историческим пониманием общих законов развития языка в теоретическом языкознании получила распространение логическая интерпретация их. В этом случае общее понимается как некий инвариант, абстрактный язык-эталон, универсальная модель естественных языков, представляющая собой набор универсальных характеристик языка, систематизированных и логически упорядоченных. Развитие понимается при этом как варьирование и реализация универсальных свойств языка; типовые модификации и составляют общие законы развития, причем лингвистика универсалий интересуется не только общими (тривиальными), но и единичными случаями, исключениями из универсальных закономерностей.

Историческое и логическое понимание общих законов развития было распространено не только на историю конкретных языков, но и на их современное функционирование, на описание порождения речи и реализацию абстрактных образцов в контексте.

Однако частные внутренние законы понимались и понимаются не столько как конкретные реализации, проявление общего в частном, сколько как формулы исторического развития отдельных ярусов языковой системы, характеризующие отдельные языки и группы родственных языков. Созданы исторические грамматики ряда языков.

Новой отраслью знаний стала дешифровка памятников, представленная, например, работой Н. А. Невского «Тангутская филология» (кн. 1—2, М., 1960); развивается лингвистическое источниковедение. Ведутся работы по составлению и публикации этимологических словарей ряда языков (восточнославянских, картвельских, осетинского, тюркских и чувашского, в частности, коми и некоторых других).

Ведущим разделом сравнительно-исторического языкознания является индоевропеистика, а внутри нее — славистика и германистика. Советское сравнительно-историческое славянское языкознание обязано своими успехами прежде всего А. М. Селищеву, Г. А. Ильинскому, Е. Ф. Карскому, Л. А. Булаховскому, С. П. Обнорскому, Б. А. Ларину, П. С. Кузнецову, Т. П. Ломтеву, Р. И. Аванесову, С. Б. Бернштейну, В. И. Борковскому, Ф. П. Филину, О. Н. Трубачеву, А. С. Мельничуку, В. В. Иванову. В развитии сравнительно-исторического германского языкознания большая роль принадлежит работам В. М. Жирмунского, М. М. Гухман, А. В. Десницкой, С. Д. Кацнельсона, Э. А. Макаева, М. И. Стеблин-Каменского, В. Н. Ярцевой.

Несомненным достижением сравнительно-исторического языкознания является вовлечение в сферу исследования все новых и новых языков, новых семей и групп родственных языков — финно-угорских, кавказских, тюркских, а также тунгусо-маньчжурских и монгольских. Существенные изменения претерпела сама теория и методика сравнительно-исторических исследований. Пересматривается структура индоевропейского корня, стали предметом изучения синтаксис и лексика — не столько корнеслов сам по себе, сколько целостные лексико-семантические группы и словообразо-

вательные модели и гнезда. Все более и более внедряется принцип историзма в сравнительно-исторические исследования, которые в то же время сближаются с ареальными и типологическими исследованиями. Разрабатывается проблематика диалектного членения и периодизации праязыка, проблема языковых союзов. Исследование связей между большими языковыми семьями, обнаруживающими типологическое и материальное сходство, а следовательно, возможно, и родство, ставит проблему ностратических языков.

Значительное место в развитии советского теоретического языкознания занимала проблематика метаязыка и методов лингвистического анализа. Философская сторона проблемы состояла в рассмотрении взаимоотношений между объектом и субъектом познания, между предметными (онтологическими) и методическими (операциональными) знаниями, индуктивной и дедуктивной теорией, между процессом экстраполяции представлений разных наук и спецификой лингвистической теории. Было выяснено, что эмпирические и теоретические знания дополняют друг друга и не могут входить в конфликт друг с другом без разрушения статуса данной науки, что методические (операциональные) знания необходимы не сами по себе, а только постольку, поскольку они помогают более глубоко и эффективно познать изучаемый объект. Всякий конкретный прием исследования имеет границы своего эффективного применения, поскольку научно-исследовательский метод и методический прием определяются спецификой объекта и целью исследования. Лингвистика располагает системой научно-исследовательских методов, приемов и методик, позволяющих широко и глубоко познавать такое сложное явление, как язык.

Теоретическое рассмотрение проблемы методов лингвистики сопровождалось развитием и совершенствованием приемов и методик лингвистического исследования и описания языка. С одной стороны, развивались методики описательного и сравнительно-исторического метода, базирующиеся на предметных представлениях, моделях-образцах; сама методическая процедура была усовершенствована, логически уточнена и впитала в себя различные методики теории парадигм и синтагм, преобразований и количественных характеристик.

С другой стороны, получили развитие методики исследования и описания языка, опирающиеся на абстрактно-логические представления, модели-конструкты; сама методическая процедура стала включать символику математической логики, алгебраические и статистические формулы, а также геометрическую наглядность в виде таблиц (матриц), векторных диаграмм (графов), кубических чертежей и различных графиков.

Языковая система в этих исследованиях предстает как различные уровни абстрагирования, интегрирования и трансформирования, а языковая семантика — как логическая или знаковая ситуация. Так, аппликативная порождающая модель Шаумяна — Соболевой исходит из понимания языка как логико-математической системы, построенной посредством гипотетико-дедуктивного метода и формализованной трансформационной методики; сама аппликация понимается как бинарная операция в смысле комбинаторной математической логики Х. Б. Карри и Р. Фейса.

Внесение в лингвистику логико-математических, статистических и семиотических идей и методик ставит не только вопросы разумного обогащения лингвистической методики, но и проблему статуса математической лингвистики и лингвосемиотики. Эта проблема остается дискуссионной, и ее решение зависит от развития лингвистической теории и практики лингвистических исследований. Во всяком случае, утверждение, что язык есть знаковая система, еще не определяет предмета лингвосемиотики. Во-первых, из этого утверждения иногда делается вывод, что лингвистика яв-

ляется частью семиотики, и это лишает самостоятельности не только лингвосемиотику, но и саму лингвистику. Во-вторых, добавление, что естественный язык является знаковой системой особого рода, хотя и правильно обособляет лингвосемиотику от общей семиотики, все-таки не определяет предмета и метода лингвосемиотики, поскольку в термины «знак», «система», «особый род» вкладывается разный, иногда противоположный смысл, ввиду чего не представляется возможности объединить разные точки зрения в пределах одной школы как представляющие одну научную дисциплину, которая имеет свой предмет изучения и свои общие исходные основания.

Возникновение новой методической проблематики вызвано также появлением инженерной лингвистики, в ведение которой входит инструментальная фонетика, обучающие машины, использование ЭВМ для нужд автоматического перевода и составление частотных словарей и вообще вопросы автоматизации лингвистических работ и создания поисковых информационно-систем. В этой области знаний уже получены некоторые теоретические и практические результаты, однако они в свою очередь породили новые задачи, решение которых зависит не только от анализа методических и технических вопросов, но и более глубокого рассмотрения самой лингвистической теории.

Так, машинный перевод является научным поиском, охватывающим три разных аспекта: теоретико-лингвистический, логико-математический и инженерно-технический. Теоретические проблемы, вызванные МП, не могут изменить общей теории языка, поскольку являются для нее частными. Решение задачи «текст — смысл» как проблемы преобразования текстовых показателей в логически упорядоченные единицы и категории, интерпретированные при помощи той или иной логико-математической системы и доведенные до уровня технической логики, обеспечивающей то или иное программирование и ввод в машину, исключает из исследования языковую норму как средство общения, заменяя ее логическим языком. Понимание языка как логической схемы, а текста как логического контекста помогает решать лишь вопросы перекодирования и не снимает проблемы порождения текста и понимания его.

Возникают трудности и иного, технического порядка, упирающиеся в возможности техники и различие машинного и человеческого языка⁵. Остается лишь пожелать, чтобы трудности семантического автоматического перевода и машинного перевода скорее были преодолены совместными усилиями, а инженерная лингвистика из периода мысленного и лабораторного эксперимента вступила в период производственный.

В обзорной статье не представляется возможным рассмотреть все важнейшие проблемы теории языка и тем более осветить своеобразие концепций отдельных ученых и целых лингвистических школ. Подчеркнем лишь, что при всей многоаспектности советского теоретического языкознания и наличии исследовательского своеобразия отдельных ученых и лингвистических школ советское языкознание едино по своим философским основаниям, по вниманию к социальному аспекту и разнообразию конкретного материала, по интересу к содержательной и функциональной стороне языка при учете его формальных и системных особенностей, по постоянным поискам доказательных и эффективных приемов и методик исследования.

⁵ См., например: Р. Г. П и о т р о в с к и й, Машинный перевод, сб. «Проблемы структурной лингвистики. 1971», М., 1972, стр. 525.